

З. Н. Гиппиус

"Православный" Струве

Я не считаю особенно продуктивной полемику посредством напоминания П. Б. Струве, что в таком-то году он держался таких-то политических взглядов, а теперь высказывает противоположные. Поворот Струве начался давно, и об изменениях своих политических позиций Струве всегда открыто заявлял. Но о перемене взглядов своих на религию, в частности на Церковь и Православие, мы таких открытых его заявлений не слышали. Поэтому мы вправе напомнить о совсем недавней его позиции в данной области, чтобы сравнить ее с той, которую он ныне занял в своей газете "Возрождение".

Существа вопроса, поднятого в связи с докладом Ильина, -- вопроса о "религиозном насилии", о "кресте и мече", -- я намеренно не касаюсь. По существу я буду говорить лишь тогда, когда приду к полному убеждению, что мой собеседник тоже берет вопрос по существу, хочет решать его безотносительно, вне зависимости от своих решений в другой области. И я ограничиваюсь пока изложением тех взглядов Струве на православие, религиозную политику и т. д., которые он много раз высказывал и от которых ни разу не отрекался.

В течение нескольких лет, перед самой войной, между П. Б. Струве и группой участников СПб-ского Рел. Философского О-ва велся оживленный спор, мало-помалу перешедший в борьбу. Группа отстаивала связь религии с общественностью (и непременно с ее освободительной линией), крайне отрицательно смотрела на подчинение Церкви автократическому государственному строю, одной из причин этого подчинения считая внутреннюю неподвижность Церкви. П. Б. Струве держался взглядов определенно противоположных. Он, во-первых, отрицал в принципе связь христианства, даже какой бы то ни было религии, с общественностью: религия -- "приват захе". Во-вторых, что касается Церкви, он не придавал важности ее связи с автократией: на православную, "седовласую", по его выражению, Церковь он смотрел просто как на некую добрую необходимость "для народа", -- хотя бы в моральном отношении.

Эти взгляды, с большой четкостью высказываемые Струве и на собраниях, и печатно, привели его к действительному столкновению с группой противников по поводу исключения Розанова из Р. Ф. Общества. Это было во время дела Бейлиса. Струве признавал, что поведение Розанова -- непозволительно с общественной, политической, даже моральной точки зрения. Но *религиозное* общество не может будто бы его за это исключать, так как, по Струве, религия не имеет к этому никакого касанья. Розанова все-таки исключили. Тогда Струве, -- очень последовательно, -- вышел из Совета О-ва.

Спор, -- или борьба, -- однако, продолжались. Я не могу восстановить сейчас всей линии. Да это и не нужно. Помню, что всякую работу религиозно-общественную Струве называл "демагогией". Именно это было темой моего "открытого письма П. Б. Струве", напечатанного в последней, перед войной, книжке "Русской Мысли", вместе с его ответом. (Приемы полемики в то время были такие, что мы могли спорить рядом.)

Итак -- все ясно. Взгляды Струве определены были им самим, с присущей ему четкостью. Что же случилось? Как объяснить, что он стал ныне во главе газеты не просто политической, но православно-политической? Что он грудью защищает "истинное христианство", Ильина с "православным мечом" и крайне подозрительно и насмешливо относится к религиозному "аполитизму"?

Только два объяснения возможны. Не изменился ли Струве коренным образом? Быть может, религия для него уже не приват захе, "седовласая" Православная Церковь не полезный институт для народных масс, а христианская политика не демагогия? Но если Струве "обрел истину" для себя, то как могло случиться, что об этом -- уж не повороте, -- а перевороте -- он умолчал? Вспомним, что именно *религиозный* переворот, даже в человеке менее прямом и открытом, чем Струве, никогда не происходит тайно. Он по природе, по существу таков, что кладет явный отпечаток на дела человека, он требует доказательства. Еще в политике, на худой конец, можно втихомолку сжечь то, чему поклонялся, и обратно; а Струве даже это делал всегда открыто. Как не покаялся бы он в прошлых "грехах", если б пережил своего рода путь в Дамаск?

Нет, мы вынуждены отказаться от первого предположения. И вот как приходится объяснить неожиданное "православие" Струве: он коренных своих взглядов ни на христианство, ни на Православную Церковь *не изменил*. Он изменил только свою политику. Эта новая политика (новая для него, сама же по себе -- наиболее "седовласая" из политик) требует своих аксессуаров, а главное -- известных, испытанных, *подпорок*. Одна из таких подпорок -- Православие. Что удивительного, кстати, что многие верующие, не миравсь с этой ролью Церкви, пытаются утвердить ее хотя бы аполитизм? Но для Струве иерархия ценностей начинается с политики. Общий же рисунок его религиозных взглядов таков, что никак не может воспрепятствовать использованию Православия; а приспособить эти взгляды, внешним образом, к данной политике совсем не трудно. У многих сегодняшних политических единомышленников Струве -- подобная же иерархия ценностей и подобные же религиозные взгляды: приспособление происходит успешно и даже искренно. В искренности Струве я нисколько не сомневаюсь. Почему, в самом деле, при том взгляде на Церковь, о котором говорилось, не использовать ему, для защиты политики Ильина, Шульгина, Ольденбурга и т. д., -- то Сергия Радонежского, то Серафима Саровского, от которого, при случае, можно перескочить к Константину Великому? Не все ли равно, кого потревожить, лишь бы "забились белые сердца" (по

выражению Ильина) и годилось бы имя для поддержки "седовласой" политики?

Об этой политике, -- политике Возрождения, -- я не буду сейчас говорить. Установим только одно: как ее ни звать,-- национальной, самобытной, консервативно-либеральной, либерально-консервативной, -- все это словесные узоры. Самое точное, строго точное ей название -- *реставрация*, восстановление. А самое краткое и несомненное, что можно в данный час истории сказать о политике реставрационной, это что она -- гиблое дело.